

П.В. Шлыков

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ В 1983–2013 гг. И МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОППОЗИЦИИ

Часть 1

В статье анализируется динамика трансформации партийно-политической системы Турции в 1980-е — первое десятилетие 2000-х годов по пяти показателям: активность избирателей, волатильность электората, фрагментация партийной системы (колебания «эффективного числа партий»), уровень политической конкурентоспособности, пропорциональность партийного представительства в парламенте. Зафиксированные тенденции говорят об определенной стабилизации партийно-политической системы, что затрудняет поиск электоральной ниши любым новым партиям, повышая возможности перетекания электората между действующими партиями. В условиях трансформации партийно-политической системы и формирования новой матрицы политической жизни перед оппозицией встала задача поиска новых стратегий политической борьбы и подходов к работе с электоратом, ревизии партийных установок и программ.

Ключевые слова: Турция, политическая система, демократия, оппозиция, ПСР, НРП.

The paper analyses the dynamics of the transformation of Turkey's party and political system from the 1980s to the early 2010s according to five variables: voter activity, electoral volatility, fragmentation of party system (effective number of parties), level of political competition, and proportionality of party representation in parliament. The growing stabilization of Turkey's party and political system makes increasingly difficult for any new political party to find an electoral niche and facilitates the migration of electorate between old parties. Reformation of the party and political system and creation of a new matrix for political life forced the opposition to search both the new strategies of political struggle and new approaches towards electorate and to revise both party ideology and programs.

Key words: Turkey, political system, democracy, opposition, JDP (AKP), RPP (CHP).

Одна из примечательных особенностей политического развития Турции первого десятилетия 2000-х годов состоит в характере противостояния оппозиционных сил правящему режиму Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана. Линия наи-

более острого противостояния находится отнюдь не в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ), а вне рамок парламента и подобных ему демократических институтов. Главным оппонентом ПСР выступает не парламентская оппозиция, формально консолидированная в рамках крупных партий — Народно-республиканской (НРП) и Партии националистического действия (ПНД), а конкретные представители политической и военной элиты — влиятельные генералы, командующие родами войск, общественные деятели, отдельные крупные чиновники, судьи Конституционного суда, прокуроры и т. д. Именно в них ПСР в 2000-е годы видела угрозу своему доминированию на политическом поле, и именно они принимали и принимают удар репрессивной машины, раскрученной ПСР в 2007–2012 гг., становятся фигурантами громких политических процессов (Эргенекон, Кувалда и т. д.) и отправляются на окраину Стамбула — в тюрьму Силиври¹.

Характер политической борьбы в Турции, возможности оппозиционных сил оказывать влияние на правящий режим или, по крайней мере, выступать для него заметным раздражителем — величины динамически изменяющиеся. За последние пять лет (2007–2012) ПСР существенно оттеснила военную элиту, фактически лишив ее былой политической субъектности, провела успешную операцию по «зачистке» руководства армии от нелояльных генералов и «санации» политического поля от опасных, с ее точки зрения, оппозиционеров, существенно ограничены также и возможности судейского корпуса влиять на власть². Прежняя система сдержек и противовесов, в которой ведущую роль с начала 1960-х годов играла военная элита, претерпевает серьезные изменения. Новый облик приобретает и турецкое общество, становясь все более консервативным в ценностных ориентациях, более религиозным в своих моральных установках

¹ Еще одним источником беспокойства для ПСР выступает Рабочая партия Курдистана (РПК), противостояние с которой вступило в горячую фазу в июне 2004 г., а с конца 2012 г. «курдский вопрос» занимает первую строчку в перечне внутривнутриполитических проблем.

² К концу августа 2011 г. — после демонстративной отставки высшего руководства армии, когда 29 июля добровольно оставили свои посты начальник Генштаба Ышык Кошанер и командующие всеми тремя видами вооруженных сил — генералы Эрдал Джейланоглу (сухопутные войска) и Хасан Аксай (ВВС) и адмирал Эшреф Угур Йигит (ВМФ), более 15% всех турецких генералов находились под арестом и следствием по разным политическим делам [TSK'nın Yüzde 15'i Tutuklu // Doğan Haber Ajansı. 2011. 22.08; Шлыков П.В. «Военный переворот наоборот»: отставка высшего командования Вооруженных сил Турции // Информационно-аналитический портал «Рус-Ориент». URL: <http://www.rusorient.ru>]. Очередная волна арестов к середине 2012 г. увеличила долю сидящих генералов до 19% (68 человек) [TSK'daki Generallerin Yüzde 19'u Şu Anda Napiste! // İlke Haber. 2012. 11.05]

и более правым в политических пристрастиях³. При этом международные рейтинги ставят Турцию в разряд частично свободных стран⁴ с высокими рисками политической нестабильности (по этому критерию Турция оценивается лучше Пакистана, Бангладеш, Нигерии и Индонезии, но хуже РФ, Ирана, КНР и Индии)⁵. Насколько же новые правила игры на политическом поле, навязываемые ПСР на протяжении десятилетнего пребывания у власти, смогли изменить характер сложившейся в Турции партийно-политической системы? В чем заключаются ее новые характеристики и каким образом они влияют на тактику и стратегию политической борьбы оппозиции? Насколько оправданы проекты, подобные «новой НРП», предполагающие ревизию устоявшихся партийных ценностей и установок ради привлечения нового электората?

Контуры партийно-политической системы «Третьей Республики». Формирование существующей сейчас в Турции партийно-политической системы хронологически можно отнести к началу 1980-х годов, когда после переворота 12 сентября 1980 г. правящий военный режим задал параметры управляемой демократии, в которой не должно было остаться места для радикалов и эскалации политического насилия. Начало нового этапа в развитии партийно-политической системы Турции ознаменовалось пересмотром базовых норм и принципов организации выборного процесса, введением новых правил, серьезно ограничивающих политическую активность гражданского общества и партий, а также 10%-ным барьером для прохождения в парламент⁶.

Базовые характеристики партийно-политической системы «Третьей Республики» можно оценить по ряду электоральных (избирательная активность и волатильность политических предпочтений) и партийных показателей (фрагментация партийной системы, уровень политической конкуренции и пропорциональность партийного представительства).

³ Подробнее см.: Шлыков П.В. Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития) // Современная Европа. 2013. № 1 (53). Январь–март. С. 58–75; Шлыков П. «Антикемалистская революция»: куда идет Турция? // Семинар в московском центре Карнеги. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422>

⁴ Freedom in the World, 2012. URL: <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2012>

⁵ Political Instability Index — ViewsWire. URL: http://viewswire.eiu.com/site_info.asp?info..

⁶ 2009/2010 гг. Турция занимала 55-е место из 165, т. е. первую — худшую — треть рейтинга. У Пакистана — 7-е место, у Бангладеш — 19-е, у Нигерии — 44-е, у Индонезии — 52, соответственно у РФ — 66-е, Ирана — 55-е, КНР — 124-е, Индии — 135-е.

⁷ Çarkoğlu Ali; Kalaycıoğlu Ersin. Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society. L.: I.B. Tauris, 2007. P. 72–75, 81.

Первый индикатор — активность электората или, точнее, явка избирателей (т. е. соотношение принявших участие в выборах к общему числу зарегистрированных избирателей). Этот показатель интересен в двух измерениях. Во-первых, с позиций того, что значительное число равнодушных к политике людей, игнорирующих выборы, в условиях принуждения к голосованию (например, референдум по Конституции 1982 г.), вероятно, либо испортят свой бюллетень, либо отдадут свой голос случайной партии. Во-вторых, в Турции недоступна точная информация о числе граждан, обладающих правом голоса. Между тем колебания этого показателя, который регулярно обнаруживается Высшим советом по выборам, от кампании к кампании едва ли можно объяснить демографическим фактором. Так, если в 2002 г. число зарегистрированных избирателей составляло 41 407 027, в 2007 г. оно увеличилось до 42 799 303 и, наконец, в 2011 г. — 52 806 322. По всей видимости, цифра по 2011 г. ближе к действительности, поскольку базируется на более совершенной системе учета, введенной в 2007 г. Следовательно, ранее значительное число потенциальных избирателей не могли принимать участие в голосовании, поскольку попросту не регистрировались⁷. До 2002 г. электоральная активность была достаточно высокой — выше 80%⁸, и лишь в 2002 г. наблюдается существенный спад интереса к выборам, вызванный разочарованием в существующем режиме и малой эффективности коалиционных правительств.

Следующий показатель — волатильность электората, фиксирующий колебания уровня поддержки партий на каждых последующих выборах. Формула оценки волатильности — индекс, предложенный норвежским исследователем Могенсом Педерсеном⁹. Для Турции конца 1980-х гг. (парламентские выборы 1987 г.) этот показатель составлял 39 процентных пунктов, в 1991 г. — 17, в 1995 г. — 18, в 1999 г. — 20, в 2002 г. — 42, в 2007 г. — 19, в 2011 г. — 12¹⁰. Таким

⁷ Erdem Tarhan. Seçmen Kütükleri Açıklandı // Radikal. 2011. 05.05.

⁸ На выборах 1983 г. явка избирателей составила 88%, в 1987 г. — 91%, в 1991 г. — 81%, в 1995 г. — 82%, в 1999 г. — 83%, в 2002 г. — 76%, в 2007 г. — 82%, в 2011 г. — 81% [Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>].

⁹ Pedersen Mogens. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. Vol. 7 (1979). P. 1–26.

¹⁰ Индекс Педерсена (Pedersen Index) вычисляется следующим образом: сначала определяется разница между процентными долями голосов, полученными каждой партией на данных и предыдущих выборах; затем абсолютные значения (по модулю) этих разниц складываются, а сумма во избежание двойного счета, делится на два.

¹⁰ Подсчитано по данным: Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>; Resmi Gazete. 1983. 14.11 (18221 sayılı); Resmi Gazete. 1987.09.12. (19659 sayılı); Resmi Gazete. 1991.17.11. (21054 sayılı); Resmi Gazete. 1996.03.01. (22512 sayılı); Resmi Gazete. 27/04/1999 (23678 sayılı); Resmi Gazete. 10/11/2002 (24932 sayılı); Resmi Gazete. 2007.30.06. (26598 sayılı); Resmi Gazete. 2011.23.06. (27973 sayılı)

образом, средний показатель волатильности — 23,6% — что сопоставимо с показателями «новых демократий» Восточной Европы и Латинской Америки, однако существенно выше, чем у «старых демократий» Западной Европы и США. Тенденция резкого увеличения волатильности электората в Турции стала ощутимой с 1970-х годов и пиковых значений в 41,7% достигла в 2002 г., когда в условиях финансового кризиса на выборах большинство проголосовало «протестно», не поддержав ни одну из партий, входивших в состав коалиционных кабинетов второй половины 1990-х годов¹¹.

Высокая волатильность электората — следствие слабой политической идентичности партий, их неспособности институционально встроиться в политическую жизнь граждан. При этом высокий уровень волатильности отнюдь не отменяет социального размежевания по линии отношения к лаицизму — исламизму, этнической (курды — турки) или религиозной идентичности (сунниты — алевиты), составляющего одну из отличительных черт общественного развития Турции и оказывающего существенное влияние на поведение электората¹².

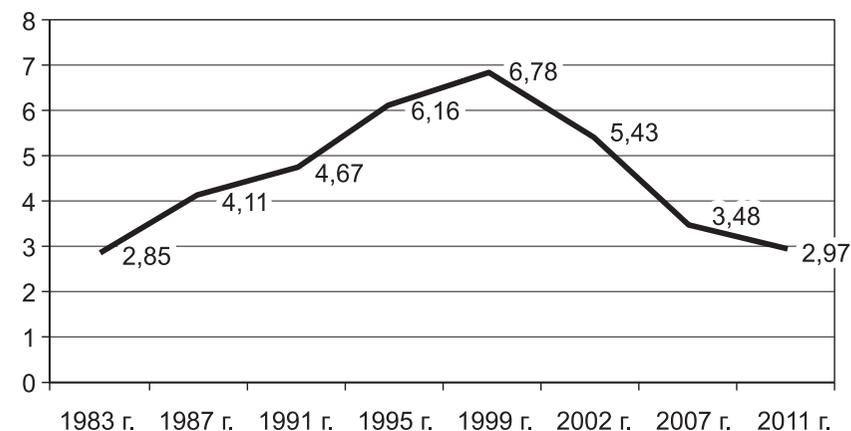
С 2002 г. наблюдается тенденция к снижению волатильности, что говорит о формировании несколько иной модели электорального поведения. Нарастание своего доминирования в политической сфере, которое демонстрирует ПСР в рамках трех последних выборных циклов, привело к практически полному исчезновению правоцентристских партий 1990-х годов и превращению НРП в единственную оппозиционную партию с элементами левой идеологии в своей программе, а ПНД и ПМД — в партии, консолидирующие вокруг себя националистически настроенный электорат (турецкий и курдский соответственно).

Еще один важный показатель — фрагментация партийной системы, т. е. колебания числа реально действующих партий («эффективного числа партий»), выражающегося в соотношении количества партий и их политического веса на электоральном и парламентском уровне. Динамика изменения фрагментации политической системы представляет собой синусоиду: тенденция роста «эффективного

числа партий» с 1983 г. достигает пика в 6,78 в 1999 г.¹³, когда за доминирование на политическом поле борются семь партий с сопоставимым, хотя регионально дифференцированным электоральным потенциалом (две правоцентристские — Партия Отечества Месута Йылмаза и Партия верного пути Тансу Чиллер, две левоцентристские — Демократическая левая партия Бюлента Эджевита и НРП Дениза Байкала, две националистические — ПНД Девлета Бахчели и прокурдская Народно-демократическая партия Мурата Бозлака, и одна исламистская — Партия добродетели Реджай Кутана); и после 1999 г. начинает равномерно снижаться, упав до 2,97 в 2011 г., прямо пропорционально снижению волатильности электората.

Диаграмма 1

Уровень политической фрагментации (изменения «эффективного числа партий» по итогам парламентских выборов 1983–2011 гг.)

Источник: Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>; Resmi Gazete. 1983.14.11 (18221 sayılı); Resmi Gazete. 1987.09.12 (19659 sayılı); Resmi Gazete. 1991.17.11 (21054 sayılı); Resmi Gazete. 1996.03.01 (22512 sayılı); Resmi Gazete. 1999.27.04 (23678 sayılı); Resmi Gazete. 2002.10.11 (24932 sayılı); Resmi Gazete. 2007.30.06 (26598 sayılı); Resmi Gazete. 2011.23.06 (27973 sayılı)

В результате, на сегодняшний день Турция обладает гораздо более консолидированной партийной системой, чем многие «старые демократии» Западной Европы, и по показателю «эффективного чис-

¹¹ Başlevent Cem, Kirmanoğlu Hasan, Şenatalar Burhan. Empirical Investigation of Party Preferences and Economic Voting in Turkey // European Journal of Political Research. Vol. 44 (2005). P. 547–562; Шлык П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 56–78.

¹² West Jefferson. Regional Cleavages in Turkish Politics: An Electoral Geography of the 1999 and 2002 National Elections // Political Geography. Vol. 24 (2005). P. 499–523; Çarkoğlu Ali, Hinich Melvin. A Spatial Analysis of Turkish Party Preferences // Electoral Studies. Vol. 25 (2006). P. 369–392.

¹³ Индекс эффективного числа партий рассчитывается по методике, предложенной Марку Лааксо и Рейном Таагеперой, по формуле: $N = \frac{1}{\sum V_i^2}$, где N — эффективное число партий, V_i — доля голосов, отданных за партию i [Laakso Markku, Taagepera Rein. 'Effective' Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies. Vol. 12 (1979). P. 3–27].

ла партий» вплотную приближается к таким странам, как Тайвань или Япония с ее полупарламентской системой (2,5–3,5)¹⁴.

Здесь важно, что с течением времени трансляция социальных размежеваний в политическое измерение затрудняется: так, нынешний состав ВНСТ с эффективным числом парламентских партий меньшим чем три не отражает существующие в Турции социальные размежевания (т. е. общественно-значимые конфликты).

Эрозия политической конкуренции — еще одна тенденция, прослеживаемая с приходом к власти ПСР¹⁵. Разрыв в результатах, полученных на выборах партией-лидером от своих ближайших конкурентов в 2000-е годы превышает 30%-ных пунктов (в 1990-е годы этот показатель колебался в пределах 3–4 пунктов). Аналогичная ситуация складывалась в 1980-е годы, когда на выборах доминировала ПО.

Еще один показатель — пропорциональность партийного представительства в парламенте, т. е. соотношение количества завоеванных на выборах голосов к числу полученных мандатов (индекс Галлахера)¹⁶. Чем выше значение, тем менее пропорционально распределены парламентские мандаты среди партий и, соответственно, состав парламента слабее отражает предпочтения электората.

¹⁴ Reilly Benjamin. Democratization and Electoral Reform in the Asia-Pacific Region: Is There an Asian Model of Democracy? // Comparative Political Studies. Vol. 40 (2007). P. 1350–1371; Jou Willy. Electoral Reform and Party System Development in Japan and Taiwan: A Comparative Study // Asian Studies. Vol. 49 (2009). P. 759–785.

¹⁵ Индекс политической конкурентоспособности партий на выборах 1983 г. находился на уровне 15%-ных пунктов, в 1987 г. составил 12, в 1993 г. — 3, в 1999 г. — 2, в 1999 г. — 4, в 2002 г. — 15, в 2007 г. — 36, в 2011 г. — 34 (среднее значение — 12) [рассчитано: Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>; Resmi Gazete. 1983.14.11 (18221 sayılı); Resmi Gazete. 9/12/1987 (19659 sayılı); Resmi Gazete. 1991.17.11 (21054 sayılı); Resmi Gazete. 1996.03.01 (22512 sayılı); Resmi Gazete. 1999.27.04 (23678 sayılı); Resmi Gazete. 2002.10.11 (24932 sayılı); Resmi Gazete. 2007.30.06 (26598 sayılı); Resmi Gazete. 2011.23.06 (27973 sayılı)].

¹⁶ **Индекс Галлахера (Gallagher Index):** $LSq = \sqrt{\frac{1}{2} \sum_{i=1}^n (V_i - S_i)^2}$ (где n — число партий, i — какая-то партия, V_i — количество мест партии в парламенте в процентном соотношении, а S_i — количество голосов, поданных за партию, в процентном соотношении).

Основной смысл индекса представительности парламента заключается в установлении соотношения между выраженным волеизъявлением избирателей и получившимся соотношением политических сил в парламенте. [Подробнее см.: Алескеров Ф.Т., Платонов В.В. Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003. С. 15]. Особенность индекса Галлахера заключается в том, что сумма под знаком корня вычисляется не от самих величин, а от их квадратов. Таким образом, чем больше величина разрыва, тем с большим весом она учитывается и вносит больший вклад в значение индекса. Можно сказать, что индекс Галлахера учитывает в основном сильные искажения предпочтений избирателей и малочувствителен к слабым [Gallagher Michael. Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems // Electoral Studies. Vol. 10 (1991). P. 33–51].

Определяющими факторами здесь выступают 10%-ный барьер и механизм распределения мандатов по методу д'Ондта¹⁷, дающему преимущество крупным партиям, благодаря которым в 1987 г. ПО получила 292 мандата (64,9%), набрав только 36,3%, а в 2002 г. ПСР повторила этот путь — 363 депутатских кресла (66%) при 34,3% на выборах. На графике пропорциональности партийного представительства выборы 1987 г. и 2002 г. соответствуют пиковым значениям в 22 и 27 пунктов соответственно¹⁸.

Насколько сильно влияют зафиксированные изменения в партийно-политической системе на характер межпартийной борьбы и политический ландшафт? Тенденция снижения политической фрагментации («эффективного числа партий») говорит о том, что с каждым годом молодой партии становится все сложнее и сложнее сформировать свой электорат и получить поддержку на выборах. Это можно проиллюстрировать на примере Партии молодежи (*Genc Parti*, GP) в 2002 г., Партии прав и равенства (*Hak ve Eşitlik Partisi*, HEPAR) и Партии народного голоса (*Halkın Sesi Partisi*, HAS Parti) в 2011 г.

Партия молодежи (ПМ), созданная в 2002 г. турецким миллионером Джемом Узаном для реализации своих политических амбиций с весьма расплывчатой правоцентристской идеологией, на выборах 2002 г. обогнала ряд «старых» партий, набрав 7,3%. Хотя ПМ и не преодолела процентного барьера и, следовательно, не получила ни одного мандата, она смогла привлечь на свою сторону часть электората таких «старых» партий, как ПНД Девлета Бахчели и ПВП Тансу

¹⁷ Milletvekili Seçimi Kanunu (Kabul Tarihi: 10 Haziran 1983; Kanun No: 2839) // Resmi Gazete. 1983.13.06 (18076 Sayı).

Метод д'Ондта — способ распределения мандатов при пропорциональном представительстве, предложенный бельгийским математиком Виктором д'Ондтом. При использовании метода д'Ондта места распределяются последовательно, одно за другим. На каждом шаге очередное место присуждается той партии, которая об-

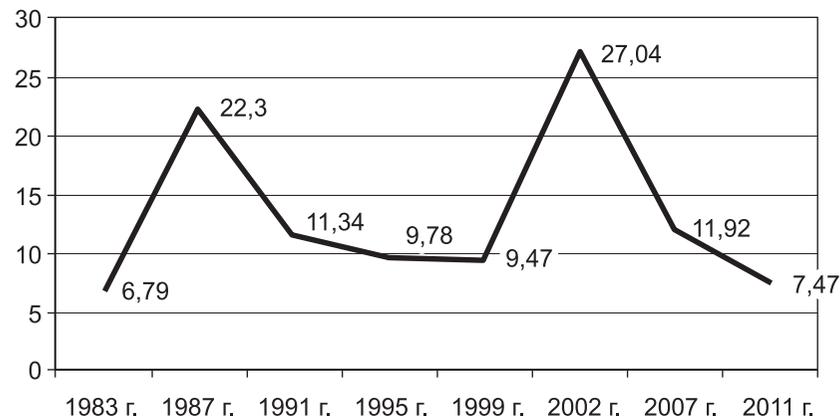
ладает наибольшей квотой, вычисляемой по формуле $\frac{V}{s+1}$ (где V — общее количество голосов, поданных за партию; s — количество мест, полученных партией к данному шагу). После присуждения места квота партии пересчитывается с учетом нового количества полученных мест.

При распределении мест методом д'Ондта представительство партий примерно пропорционально поданным за них голосам, однако округление, используемое в методе, дает преимущество более крупным партиям. В настоящее время помимо Турции метод д'Ондта используется в Австрии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Израиле, Польше, Финляндии, Чехии, Эстонии, Японии и др.

¹⁸ На выборах 2007 и 2011 гг., ПНД Девлета Бахчели удалось преодолеть 10%-ный барьер и получить парламентское представительство, равно как и курдская ПМД через поддержку независимых кандидатов тоже получила право голоса в парламенте, степень доминирования ПСР в ВНСТ несколько снизилась, несмотря на формальное увеличение числа сторонников (и более высокие показатели на выборах).

Диаграмма 2

Динамика изменений пропорциональности партийного представительства (1983–2011)

Источник: Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>; Resmi Gazete. 1983.14.11 (18221 sayılı); Resmi Gazete. 1987.09.12 (19659 sayılı); Resmi Gazete. 1991.17.11 (21054 sayılı); Resmi Gazete. 1996.03.01 (22512 sayılı); Resmi Gazete. 1999.27.04 (23678 sayılı); Resmi Gazete. 2002.10.11 (24932 sayılı); Resmi Gazete. 2007.30.06 (26598 sayılı); Resmi Gazete. 2011.23.06 (27973 sayılı)

Чиллер, которые в итоге остались без представительства в ВНСТ. В 2010-е годы подобное становится практически невозможно.

Умеренно националистическая Партия прав и равенства, созданная в 2008 г. отставным генералом Османом Памукоглу, на выборах 2011 г. едва набрала 0,3% (124 тыс. голосов). Еще одна молодая партия — Партия народного голоса (HAK, *Halkın Sesi Partisi*), созданная умеренным исламистом Нуманом Куртулмушем, не набрала и 0,8% (330 тыс. голосов). Ни у Памукоглу, ни у Куртулмуша не получилось переманить на свою сторону симпатии электората от НРП, ПНД или ПСР.

В условиях стабилизирующей избирательной и партийной системы, вероятность того, что какая-либо молодая партия сможет реально включиться в политическую борьбу и стать влиятельным игроком политического поля на ближайших парламентских выборах, резко снижается.

Время высокой волатильности электората в Турции прошло. Для Турции высокая волатильность — это в большей степени показатель нестабильности партийно-политической системы, чем следствие появления и стремительного исчезновения новых партий¹⁹. Демонтаж

¹⁹ Tavits Margit. On the Linkage between Electoral Volatility and Party System Instability in Central and Eastern Europe // European Journal of Political Research. Vol. 47 (2008). P. 537–555.

существовавшей партийной системы в 1982 г. во многом определил слабую институционализацию действующих политических партий и их низкую интегрированность в общественную жизнь. Характер связи электората с конкретными партиями задавался не идеологическими предпочтениями, а местом в сети патрон-клиентных отношений и возможностями получить материальную выгоду²⁰.

Пиковые показатели волатильности в 2002 г. объяснялись тем, что значительное число избирателей отказалось поддерживать партии, которые, с их точки зрения, были ответственны за рост инфляции, безработицы, снижение показателей экономического роста²¹. Тенденция снижения волатильности коррелирует с возможностями режима ПСР обеспечивать макроэкономическую стабильность и экономический рост.

В то же время, очевидно, что ПСР не сильно продвинулась в закреплении своих сторонников. Лояльность избирателей ПСР по отношению к партии, во многом, конъюнктурна: большую роль в популярности ПСР играет популярность Реджепа Эрдогана, который в ближайшее время может уйти с парламентского уровня на президентский²², что, вероятно, отразится и на судьбе ПСР. В новейшей истории Турции есть аналогичные примеры. Так, после избрания в 1989 г. президентом Тургута Озала ПО, основателем и лидером которой он был, занимая пост премьер-министра, стала терять свои позиции в стране и, в конце концов, фактически прекратила свое существование в 2009 г. Схожей оказалась и судьба ПВП — когда ее лидера Сулеймана Демиреля в 1993 г. избрали главой государства партия стала терять очки и довольно быстро окончательно сошла с политической арены (официально ПВП распустили в 2007 г.).

Регионализация партийно-политической системы и фрагментация электората. Еще одна важная черта партийно-политической системы Турции — регионализация партийного электората. Каждая из трех парламентских партий — ПСР, НРП и ПНД — на протяжении последних выборных циклов (2002–2011) стабильно доминировала в конкретных провинциях, причем играя на «чужом» поле, каждая из партий практически гарантированно оказывается в аутсайдерах.

Региональный кластер электората НРП — западные и южные провинции. У ПМД — юго-восточные районы с преимущественно курдским населением. И, наконец, ПНД поддерживают в приморских провинциях на юге и на западе, а также в курдских на юго-востоке.

²⁰ Kitschelt Herbert. Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Politics // Comparative Political Studies. Vol. 33 (2000). P. 845–879.

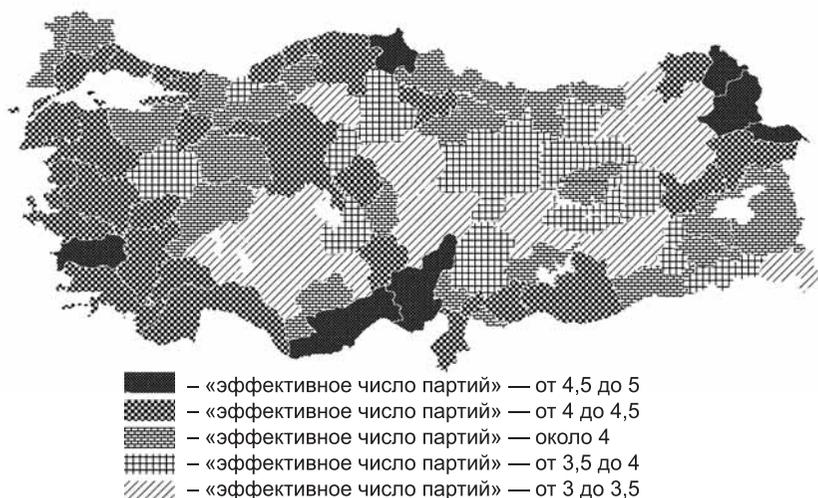
²¹ Tezcür Güneş Murat. Muslim Reformers in Iran and Turkey: The Paradox of Moderation. Austin: University of Texas Press, 2010. P. 163–165.

²² Ibid. P. 159–160, 185.

Провинции с самым высоким уровнем политической фрагментации (эффективное число партий приближается к 5) — прибрежные области. И в целом западные провинции по этому показателю обгоняют остальные регионы. Примечательно, что это те самые провинции, в которых уровень поддержки ПСР ниже, чем в среднем по стране. НРП наиболее серьезные позиции имеет в Айдыне, и на равных конкурирует с ПСР в Артвине, Ардагане и Синопе. Ыгдыр стал единственным *илем*, где наибольшую поддержку в 2011 г. получила ПНД. Достаточно сильные позиции у НРП и ПНД в Адане и Мерсине. Провинции, в которых реальное соперничество идет между тремя и более партиями, сконцентрированы в Центральной Анатолии (Внутренней Анатолии) — это *или* Кайсери, Конья, Малатья и Йозгат.

Карта 1

География политической фрагментации (1990–2000-е годы)

Хотя до середины 1990-х годов в этих провинциях концентрировался электорат правоцентристских партий — ПО и ПВП, в 1995 г. эту монополию нарушила Партия благоденствия, а в 1999 г. ПНД. И если в 1987 г. у правоцентристских партий было 89% парламентских мандатов, то в 1999 г. лишь 18%²³. С 2002 г. в этих провинциях стал доминировать в электорат ПСР. У главной оппозиционной партии —

²³ Провинции центрального региона — Адьяман, Амасья, Чанкыры, Чорум, Элязыг, Эрзрум, Гюмюшхане, Кайсери, Кыршехир, Конья, Малатья, Мараш, Невшехир, Нигде, Сивас, Токаг, Йозгат, Аксарай, Байбурт, Караман, Кырыккале и Османие — все вместе давали 22% на общенациональном уровне 1987 и 1999 гг.

НРП — поддержка в этих провинциях носит весьма ограниченный характер и в основном обеспечивается лояльностью алевитского меньшинства, рассеянного по разным *илям*. Религиозная окрашенность электората НРП, с одной стороны, стабильно обеспечивает партии «проходной» уровень поддержки, с другой — делает НРП менее привлекательной для суннитского большинства в этих провинциях²⁴. Примечательно, что ПСР в своих пропагандистских кампаниях часто высвечивает «алевитскую» карту — заигрывание НРП с алевитами, равно как и курдское происхождение лидера НРП Кемалья Кылычдароглу, чтобы снизить риски перетекания суннитского электората от ПСР к НРП²⁵.

Карта 2

География политической конкуренции (разрыв между партиями) (1990–2000-е годы)

Адана, Анталья, Ардаган, Артвин, Измир, Хатай, Мерсин и Текирдаг — *или*, в которых поддержка НРП выше, чем в среднем по

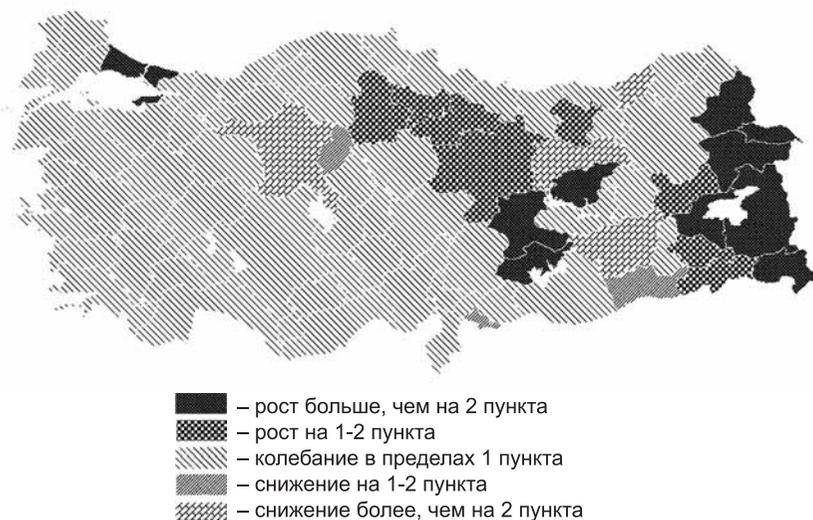
²⁴ НРП лидировала по одномандатным округам в Амасье, Чоруме. Эрзинджане, Кахраманмараше, Малатье, Сивасе и Токате, т.е. провинциях со значительной долей алевитского населения. Характерно, что по всем этим округам победившие кандидаты от НРП были алевитами.

²⁵ Как писала газета «Хюрийет» в своем репортаже с митингов ПСР, Эрдоган постоянно обращал внимание в своих выступлениях на курдско-алевитское происхождение Кылычдароглу [Hürriyet. 2011.30.04]. Подобную риторику активно взяли на вооружение и простые кандидаты от ПСР [см.: Onderoğlu, Erol. Malatya'da Seçim Öncesi Yarış Bir Milletvekili İçin // Bianet. Haftanın Özeti. URL: <http://www.bianet.org/bianet/bianet/129935-malatyada-secim-oncesi-yaris-bir-milletvekili-icin>].

стране. И именно в этих *илях* на выборах 2002–2011 гг. зафиксирован самый высокий уровень политической конкуренции. Из этого можно сделать вывод, что электоральный ресурс НРП оказывается весьма небольшим и возможности для его легкого наращивания крайне ограничены: ни в одном из *илей* — за исключением, Эдирне и Кыр-кларели (Фракия) — НРП не может претендовать на доминирование. У ПСР ситуация противоположная: там, где партия набирает больше голосов, чем в среднем по стране (Аксарай, Эрзрум, Кахраманмараш, Кайсери, Конья, Кютахья, Малатья, Йозгат), уровень политической конкуренции минимальный (ПСР опережает своих ближайших оппонентов на 40–50%)²⁶. И в ближайшей перспективе главным конкурентам партии Эрдогана — НРП и ПНД — будет крайне сложно составить реальную конкуренцию ПСР в этих *илях*.

Карта 3

География изменения волатильности турецкого электората (1990–2000-е годы)

Восточные провинции, населенные преимущественно курдами (за исключением Диярбакыра), — демонстрируют высокие показатели волатильности электората. Для Анкары и Стамбула характерна относительно низкая степень волатильности, как и в целом для Центральной Анатолии.

²⁶ Электоральное доминирование ПСР в этих провинциях схоже по характеру и масштабам с популярностью ДП на юге в 1950-х и первой половине 1960-х годов [Carmines Edward, Stimson James. Evolution, Population Replacement, and Normal Partisan Change // American Political Science Review. Vol. 75 (1981). P. 107–118].

Самые высокие показатели волатильности — «курдские» *или* (Агры, Битлис, Хаккари, Ван). Это объясняется тем, что за последнее десятилетие электорат правоцентристских партий, опиравшихся на местных авторитетов (шейхов, племенных старейшин, бизнесменов и т. д.), сместился в сторону курдских националистических партий, которые также активно используют авторитет племенных лидеров и суфийских шейхов для мобилизации своих сторонников²⁷. В первой половине 2000-х годов ПСР придерживалась аналогичной стратегии мобилизации электората через местные элиты, однако впоследствии отказалась от этого²⁸.

Усиление курдского национализма и его превращение в «электоральный» фактор привело, в том числе и к девальвации местных элит как «серых кардиналов», способных обеспечить лояльность и поддержку местного населения²⁹. Тенденция снижения волатильности в юго-восточных провинциях стала прослеживаться только на выборах 2007 и 2011 гг., когда политическая борьба здесь фактически свелась к противостоянию ПСР, с одной стороны, и курдских националистов, с другой (исключение — Тунджели, населенное преимущественно курдами-алевитами)³⁰.

При этом поддержка ПСР на юго-востоке снижается (особенно ощутимо в таких *илях*, как Агры, Батман, Битлис, Диярбакыр, Хаккари, Мардин, Ван), несмотря на рост популярности на общенациональном уровне.

Важный институциональный фактор, способствовавший мобилизации и консолидации поддержки курдских националистов, — реформа системы учета избирателей.

Наибольшее число новых избирателей после реформирования системы учета появилось как раз на юго-востоке (из 10 *илей*, где число избирателей увеличилось ощутимее всего, семь расположены на юго-востоке, в так называемых курдских областях, оставшиеся три — развивающиеся городские центры, привлекающие внутренних мигрантов). Примечательно, что рост числа зарегистрированных

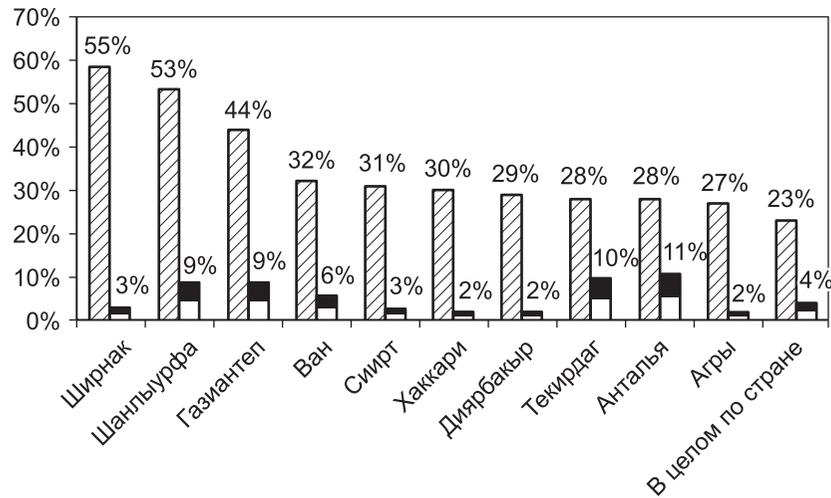
²⁷ См.: Kutad Aysşe. Patron-Client Relations: The State of the Art and Research in Eastern Turkey // Political Participation in Turkey: Historical background and Present Problems. Istanbul: Boğaziçi University Press, 1970. P. 61–87.

²⁸ Подробнее см.: Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 3. С. 3–28.

²⁹ Karaca Ekin. Hakkari’de Aşiretler Güc Kaybetti // Bianet. Haftanın Özeti. URL: <http://www.bianet.org/bianet/siyaset/130709-hakkaride-ashiretler-guc-kaybetti>

³⁰ Происхождение Кылычдароглу имело позитивный эффект для НРП на выборах 2011 г. Так, в родном для нового лидера НРП Тунджели выиграла по двум одномандатным округам, при том что в 2007 г. она не получила ни одного мандата от Тунджели.

Рост числа зарегистрированных избирателей в отдельных илях Турции в сопоставлении с ростом населения (выборка по максимальным значениям)

Источник: Т.С. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>; Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <http://www.tuik.gov.tr>

избирателей превышал показатели демографического роста (для Ширнака и Шанлыурфы число зарегистрированных избирателей увеличилось в два с лишним раза за последние четыре года).

Курдские политики стали главными бенефициарами реформы системы учета избирателей: они успешно смогли привлечь на свою сторону эти «новые голоса», отодвинув на второе место кандидатов от ПСР в семи курдских илях на выборах 2011 г. Причем эта ситуация противоречила общенациональному тренду — неспособности оппозиционных партий противопоставить что-либо доминированию ПСР и росту электората правящей партии. Курдские политики обвинили ПСР в провале декларируемой политики «демократического решения» курдского вопроса, в рамках которого фактически подавлялась политическая активность курдов, происходила интенсификация военных операций против курдов, не прекращается культурная ассимиляция курдов. Контрдоводы ПСР переводили акцент на стабильные показатели экономического развития и экономический рост, а также улучшения в работе муниципальных служб, совершенствовании системы социального обеспечения и запуска новых социальных программ, инициированных правительством ПСР. Помимо пропаганды «благ экономического роста» ПСР стала играть на чувствах религиозной идентичности курдов (курды-

сунниты, курды-алевиты, курды-националисты), чтобы углубить раскол — и взаимное отчуждение — между секуляризованными националистически настроенными курдскими лидерами и их религиозно-консервативным электоратом. Одной из главных целей своей «оборонительной стратегии» ПСР видела в предотвращении роста популярности ПНД среди избирателей, симпатизирующих национализму (и, соответственно, удержания за собой квалифицированного большинства в 2/3 ВНСТ)³¹.

Тем самым ПСР привнесла в выборную риторику элементы национализма, чтобы переманить на свою сторону часть традиционного электората ПНД. С целью сгладить негативные последствия заигрывания с националистической риторикой ПСР стремилась ее не распространять на курдские провинции, где для воздействия на электорат была выбрана несколько иная стратегия с акцентом на религиозную идентичность. В этом смысле показательна речь Эрдогана на предвыборном митинге в Диярбакыре 1 июня 2011 г. В ней лидер ПСР подчеркивал религиозную близость курдов и турок, символы которой — основатель династии Айюбидов полководец XII в. Салах ад-Дин, выдающиеся поэты-суфии Джалаладдин Руми, Юнус Эмре и Ахмед Хани (все — курды по происхождению). И при этом обвинял курдских националистов в притеснениях по отношению к курдам-мусульманам, в том, что они превратили своего лидера — Абдуллу Оджалана, с 1999 г. находящегося в тюрьме на острове Имралы — в «святого мученика и нового пророка», поставили зороастризм выше ислама, сделали нормой совместные молитвы женщин и мужчин, противоречащие мусульманскому ритуалу, и расправы над неугодными проповедниками³². Эти же тезисы Эрдоган повторил и на других митингах в ходе своей поездки по юго-восточным провинциям³³. Однако эффективность громких лозунгов для привлечения курдского электората в 2011 г. оказалась относительно низкой, поскольку для местного курдского населения, вне зависимости от религиозной принадлежности, требовались конкретные предложения и шаги для решения таких вопросов, как введение курдского языка в систему школьного образования и снятие ограничений на публичное выражение курдской идентичности.

³¹ Эта стратегия в конечном итоге провалилась, поскольку ПНД завоевала 11% на выборах 2011 г. и получила 53 мандата в ВНСТ.

³² Diyarbakır Mitingi (01 Haziran 2011). 1 Haziran Diyarbakır Mitingi konuşmasının tam metni. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/haberler/1-haziran-diyarbakir-mitingi-konusmasinin-tam-metni/8230>

³³ 8 Haziran Bingöl Mitingi (08 Haziran 2011). 8 Haziran Bingöl Mitingi konuşmasının tam metni. URL: <http://www.akparti.org.tr/site/haberler/8-haziran-bingol-mitingi-konusmasinin-tam-metni/8406>

При этом прокурдская ПМД также активно эксплуатировала религиозный фактор в своей предвыборной кампании. Так, партийный список ПМД в *иле* Диярбакыр возглавил известный курд-мусульманин Алтан Тан, также партия поддержала проведение альтернативных пятничных молитв без участия «государственных имамов» и вела масштабную работу по рекрутированию религиозных активистов, которые могли бы выступить противовесом лояльным ПСР *тарикатам* и *джемаатам*.

Заигрывание с ценностями и столь большое внимание к религиозному фактору в политическом противостоянии ПСР и ПМД и снижение поддержки ПСР показывают, с одной стороны, неготовность курдского электората идти за лозунгами в отсутствие конкретных программ по расширению их гражданских прав как этноконфессионального меньшинства, с другой — очевидную тенденцию к политизации конфессиональных расколов внутри турецких курдов. В ближайшей перспективе для правящего режима ПСР для удержания курдского электората и обеспечения его лояльности точечных успехов экономического характера и религиозной пропаганды — будет явно недостаточно³⁴.

Список литературы

- Алескеров Ф.Т., Платонов В.В.* Системы пропорционального представительства и индексы представительности парламента. М., 2003.
- Турецкая Республика в 60-е — 70-е годы. Вопросы общественно-политического развития. М., 1984.
- Шлыков В.И.* Эволюция партийной системы Турции в период Третьей Республики (1983–2007) // Турция на рубеже XX–XXI вв. М., 2008.
- Шлыков П.* «Антикемалистская революция»: куда идет Турция? // Семинар в московском центре Карнеги. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422>
- Шлыков П.В.* «Военный переворот наоборот»: отставка высшего командования Вооруженных сил Турции // Информационно-аналитический портал «Рус-Ориент». URL: <http://www.rusorient.ru>
- Шлыков П.В.* Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития) // Современная Европа. № 1 (53). 2013. Январь–март.
- Шлыков П.В.* Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4.
- Шлыков П.В.* Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 3.
- Akarca Ali, Tansel Aysit.* Economic Performance and Political Outcomes: An Analysis of the Turkish Parliamentary and Local Election Results Between 1950 and 2004 // Public Choice. Vol. 129. N 1–2 (October 2006).

³⁴ Подробнее см.: *Шлыков П.В.* Курдский вопрос в Турции: 30 лет поисков позитивного решения конфликта // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info>

- Başlevent Cem, Kirmanoğlu Hasan, Şenatarlar Burhan.* Empirical Investigation of Party Preferences and Economic Voting in Turkey // European Journal of Political Research. Vol. 44 (2005).
- Çarkoğlu Ali, Hinich Melvin.* A Spatial Analysis of Turkish Party Preferences // Electoral Studies. Vol. 25 (2006). *Çarkoğlu Ali, Kalaycıoğlu Ersin.* Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society. L.: I.B. Tauris, 2007.
- Carmines Edward, Stimson James.* Evolution, Population Replacement, and Normal Partisan Change // American Political Science Review. Vol. 75 (1981).
- Gallagher Michael.* Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems. // Electoral Studies, Vol. 10 (1991).
- Jou Willy.* Electoral Reform and Party System Development in Japan and Taiwan: A Comparative Study // Asian Studies. Vol. 49 (2009).
- Kitschelt Herbert.* Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities // Comparative Political Studies. Vol. 33 (2000).
- Kutad Aysşe.* Patron-Client Relations: The State of the Art and Research in Eastern Turkey // Political Participation in Turkey: Historical background and Present Problems. Istanbul: Boğaziçi University Press, 1970.
- Laakso Markku, Taagepera Rein.* 'Effective' Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies. Vol. 12 (1979).
- Milliyetçi Hareket Partisi 2011 Seçim Beyannamesi 2023'e Doğru Yükselen Ülke Türkiye Sözleşmesi. Ankara, 2011. URL: http://www.mhp.org.tr/usr_img/_mhp2007/kitaplar/MHP_2011_SecimBeyannamesi.pdf
- Özgürlüğün ve Umudun Ülkesi. Herkesin Türkiye'si. CHP 2011 Seçim Bildirgesi. Ankara, 2011. URL: http://www.chp.org.tr/wp-content/uploads/Se%C3%A7im_Bildirgesi-.pdf
- Pedersen Mogens.* The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. Vol. 7 (1979).
- Reilly Benjamin.* Democratization and Electoral Reform in the Asia-Pacific Region: Is There an Asian Model of Democracy? // Comparative Political Studies. Vol. 40 (2007).
- Tavits Margit.* On the Linkage between Electoral Volatility and Party System Instability in Central and Eastern Europe // European Journal of Political Research. Vol. 47 (2008).
- Tezcür Güneş Murat.* Muslim Reformers in Iran and Turkey: The Paradox of Moderation. Austin: University of Texas Press, 2010.
- Türkeş Alparslan.* Milli Doktrin Dokuz Işık. İstanbul: Hamle, 1978.
- West Jefferson.* Regional Cleavages in Turkish Politics: An Electoral Geography of the 1999 and 2002 National Elections // Political Geography. Vol. 24 (2005).

Периодические издания

- Bugün Gazetesi.* — Erişim modu. URL: <http://www.bugun.com.tr/>
- Cumhuriyet.* — Erişim modu. URL: <http://www.cumhuriyet.com.tr/>
- Gazete5.* — Erişim modu. URL: <http://www.gazete5.com/>
- Hürriyet.* — Erişim modu. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/>
- Milliyet.* — Erişim modu. URL: <http://www.milliyet.com.tr/>
- Radikal.* — Erişim modu. URL: <http://www.radikal.com.tr/>
- Resmi Gazete.* — Erişim modu. URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/>
- Sabah.* — Erişim modu. URL: <http://www.sabah.com.tr/>
- Star.* — Erişim modu. URL: <http://www.stargazete.com/>

Интернет-ресурсы

Adalet ve Kalkınma Partisi (AK Parti). — Erişim modu. URL: <http://www.akparti.org.tr/>
AKP Haberler. — Erişim modu. URL: <http://www.akparti.org.tr>
Bianet. Haftanın Özeti. — Erişim modu. URL: <http://bianet.org/>
Doğan Haber Ajansı. — Erişim modu. URL: <http://www.dha.com.tr/>
İlke Haber. — Erişim modu. URL: <http://www.ilkehaber.com/>
Milliyetçi Hareket Partisi İstanbul İl Başkanlığı. — Erişim modu. URL: <http://www.mhpistanbul.org.tr/node/339>
Milliyetçi Hareket Partisi. — Erişim modu. URL: <http://www.mhp.org.tr/>
Sariveliler Haber. — Erişim modu. URL: <http://www.sarivelilerhaber.com>
T.C. Yüksek Seçim Kurulu Başkanlığı. — Erişim modu. URL: <http://www.ysk.gov.tr/ysk/index.html>
Türkiye İstatistik Kurumu. — Erişim modu. URL: <http://www.tuik.gov.tr>

Сведения об авторе: Шлыков Павел Вячеславович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

ФИЛОЛОГИЯ

А.Н. Ардашникова, М.Л. Рейснер

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МОТИВОВ В ЛИРИКЕ ХАТЕФА ИСФАХАНИ (XVIII в.)

Статья посвящена малоизученному периоду развития литературы Ирана, являющемуся, однако, важной вехой в стилистической эволюции традиционной персидской поэзии XVIII в. На примере творчества наиболее известного поэта этого времени Хатефа Исфохани рассматривается процесс формирования нового стиля, основанного на идее возврата к классической норме. Собрание стихов Хатефа позволяет обнаружить как расхождения с поэтическим опытом непосредственных предшественников, так и существенную трансформацию устойчивого классического репертуара мотивов.

Ключевые слова: исфоханская школа поэтов XVIII в., литературное движение Базгашт, поэзия индийского стиля, стилистическая эволюция поэзии.

The article is devoted to the little-studied period of the development of Persian Literature, which, nevertheless, can be characterized as an important stage in the stylistic evolution of the traditional poetry. The works of one of the most popular poets of the period Hatef Isfahani (died in 1784) show the process of formation of the new poetic style, based on the idea of returning to the classical norm. Hatef's poetry demonstrates both the gap with the closest predecessors and significant differences with the stable repertoire of classical poetic motifs.

Key words: Isfahan school of poets of the XVIII c., literary movement of *Bazgasht*, the poetry of *Indian style*, stylistic evolution of poetry.

XVIII век считается одним из самым неблагополучных периодов в истории Ирана. После крушения империи Надир-шаха (убит в 1747 г.) страна погружается в затяжные междоусобные войны, усугубляемые опустошительными набегами афганских племен. Бесконечные военные действия подрывают экономические основы старых культурных центров, что приводит к миграции населения на сопредельные территории. К примеру, Исфохан, являвшийся в предшествующий период богатейшим и крупнейшим городом Центрального Ирана, в XVIII в. многократно переходит из рук в руки, подвергается грабежам и поборам. В этой связи не случайно, что сведения о литературе данного периода весьма скудны. Тем не менее, литература в это время не только существует, но и продолжает свое поступательное развитие, получив новый импульс в едином государстве, основанном Керим-ханом Зендом (1750–1779).